

предстают во многом логичным (и неизбежным) продолжением прежней политики.

Таким образом, материалы Вестника финансов помогают связать два отрезка, которые всё ещё иной раз изображаются разделёнными пропастью Октября 1917 г. Следовательно, изучение вопроса о степени преемственности экономических явлений в этот период важно для изучения не только экономической, но и (возможно, даже в большей степени) политической истории страны.

Кроме того, Вестник финансов интересен тем, что приводит материалы, связанные не только с кризисом и антикризисной политикой, но и с менее заметными событиями из экономической жизни. Как пример можно привести реформу городских финансов, проведённую 29 сентября 1917 г.³ Вследствие реформы города получили в собственное распоряжение квартирный налог (прежде поступавший в государственный бюджет), увеличенную часть государственного налога с городской недвижимости и право прибавки к государственному подоходному налогу. Законы такого рода совершенствовали прежнюю, довоенную, экономику и никак не помогали совершить возврат к этой мирной экономике от сложившихся чрезвычайных условий. При изучении *кризиса* 1917 г. подобные факты не привлекают внимания исследователей, но они ценны для изучения *жизни* в 1917 г. По-видимому, ощущение приближающихся крупных потрясений было присуще современникам революции в меньшей степени, чем современной историографии этого периода.

Вызывают интерес обширные подборки объявлений. Часть их можно отнести к источникам статистическим. Это объявления земельных банков о продаже просроченных имуществ, публиковавшиеся преимущественно в особых приложениях к выпускам 1917 г. Обычные же объявления статистических данных не содержат. Они интересны тем, что Вестник финансов (наряду с местными Губернскими ведомостями) принадлежал к числу периодических изданий, в которых акционерные предприятия *обязаны* были публиковать некоторые виды объявлений. И если годовые балансы выпускались отдельным приложением к Вестнику (и, следовательно, не вошли в предлагаемую подборку), то в рамках основного выпуска журнала печатались объявления о годовых собраниях акционеров, о дополнительных выпусках акций, о ликвидации и торгах. Следовательно, по этим объявлениям можно отслеживать тенденции развития акционерного дела в стране. Впрочем, материалы одного 1917 г. представляются недостаточными для серьёзного исследования на эту тему. Во-первых, необходимо сравнение их с материалами предшествовавших лет. Во-вторых – выяснение некоторых дополнительных обстоятельств. Например, журналы 1917 г. являют резкие колебания количества объявлений от номера к номеру при очевидном понижении объёмов рекламы приблизительно с июня месяца. Связано ли это с эко-

номической конъюнктурой или с (возможно, имевшей место) сезонностью проведения собраний (которые одобряли увеличение акционерных капиталов); или, может быть, с иными причинами – остаётся невыясненным.

Завершая обзор материалов Вестника финансов, можно подытожить, что его публикации помогут историкам-исследователям – при поиске ещё не изученной темы, при составлении историографического обзора, при дальнейшем исследовании. Полезны они и в преподавательской деятельности – например, для организации семинаров и руководства курсовыми работами.

Перспективы. Недостаток описанного DVD-издания состоит в отсутствии полнотекстовых материалов журнала. Распознавание текстов и размещение их в Интернете можно считать основными направлениями качественной доработки электронного издания Вестника финансов.

Ещё большее значение имеет такая же работа в отношении Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ). Если Вестник финансов интересен преимущественно специалистам по экономической истории, то обращение к ПСЗ необходимо при работе по любой теме. Следовательно, оцифровка ПСЗ наиболее привлекательна с точки зрения производительности этой объёмной работы и может считаться приоритетным направлением оцифровки исторических источников. В целом же оцифровка источников и их размещение в Интернете должны рассматриваться в качестве одного из основных направлений деятельности современного поколения историков.

¹ Назовём лишь самые известные исследования: *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985.

² *Экономическое* положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1, 2; Л., 1967. Ч. 3.

³ *Кулишер И. М.* Реформа городских финансов // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 40. С. 403–409.

Д. А. Ананьев

Основные тенденции развития англо- и германоязычной историографии Сибири во второй половине XIX – XX веке

К середине XX в. в западной историографии окончательно сложилось особое направление, связанное с изучением истории освоения русскими Сибири, Дальнего Востока и Северотихоокеанского региона. Западные

историки – прежде всего, англо- и германоязычные – уделяли пристальное внимание истории первых веков освоения обширного пространства от Урала до Тихого океана. Однако в отечественной исторической литературе практически нет специальных исследований, обобщающих историографический опыт, накопленный зарубежными историками Сибири. Для более полного представления об историографии Сибири необходимо выявить основные тенденции развития данного историографического направления за рубежом.

Интерес западных исследователей к теме обозначился еще в XVII–XVIII вв., когда появились первые сочинения европейских авторов, содержавшие сведения по географии, истории и этнографии Сибири, а также отчеты многочисленных научных экспедиций. Однако большинство этих трудов, опубликованных до второй половины XIX в., можно отнести к нарративным источникам. Первые попытки самостоятельного научного осмысления причин и итогов «русской восточной экспансии» приходится на вторую половину XIX в. и связаны с именами Э. Равенштейна, Г. Бэнкрофта, А. Краузе и др. Интерес историков к теме был обусловлен, прежде всего, ее актуальным политическим звучанием в условиях успешного освоения русскими Северной Азии. Соответственно, исследования зарубежных историков страдали односторонностью подходов, влиянием идеологических установок.

Уже в 1861 г. в Лондоне вышла в свет монография члена-корреспондента Франкфуртского географического общества Э. Равенштейна «Русские на Амуре. Его открытие, покорение и колонизация», явившаяся, по сути, откликом на плодотворную деятельность графа Н. Муравьева-Амурского по укреплению позиций России на Дальнем Востоке. Если Э. Равенштейн воздерживался от оценок дипломатических документов, возникших в ходе развития российско-китайских отношений, то английский историк А. Краузе в своей работе «Россия в Азии. Хроника и исследование (1588–1899)», опубликованной в Лондоне в 1900 г., четко определил своей целью изучение всех этапов российской экспансии в Азии в сочетании с оценкой политики России и Англии в регионе.

По мнению А. Краузе, Россия пыталась установить контроль над Северным Китаем подобно тому, что осуществлялся в отношении Бухары, а за строительством Транссиба должна была последовать новая попытка России завоевать мир. В то же время, А. Краузе не пытался представить Россию неким невиданным агрессором, но, напротив, довольно высоко оценивал достижения русских. Так, в своей более ранней работе «Дальний Восток. Его история и его вопрос» (Лондон, 1899), А. Краузе писал: «Чем больше я всматриваюсь в государственное управление России, тем сильнее восхищаюсь им, как примером несокрушимого триумфа разума над простой разумностью. Но, восхищаясь ее успехом, я не могу не за-

мечать ее ужасных последствий для интересов Великобритании...»¹. По мнению А. Краузе, место России должна занять Англия, а судьбы покоренных народов не имеют большого значения, поскольку «цивилизация, благодаря своему превосходству в силе и ресурсах, должна восторжествовать, а мятежное варварство должно сдаться на милость наций, которыми оно пренебрегало».

К сочинениям А. Краузе по духу близка работа немецкого автора, генерал-майора К. фон Цепелина, вышедшая в Берлине в 1909 г. под названием «Дальний Восток, его история, его развитие в новейшее время и его положение после русско-японской войны». Историю освоения русскими Дальнего Востока автор фактически представляет как череду военных кампаний, что совпадает и с взглядом А. Краузе на историю России как историю завоеваний, обусловленных потребностью государства в выходе к морю. Оценку положения России на Дальнем Востоке К. фон Цепелин также дает с военно-стратегической точки зрения².

Среди авторов того времени, писавших о Сибири, далеко не все подходили к изучению темы с позиций, характерных для А. Краузе и К. фон Цепелина, но ни те, кто, подобно Дж.Ф. Райту, З. Вольпичелли, Дж. Линчу, отвергали подозрения относительно масштабных колонизаторских и империалистских планов России, ни те, кто подобно Т. Аткинсону был склонен присоединиться к критикам российской политики на Востоке, не рассматривали подробно историю освоения Сибири и Дальнего Востока, ограничиваясь, по сути, написанием публицистических работ³. В этих условиях требовались исследования профессиональных историков, могущих обосновать или опровергнуть тезис о военном характере колонизации Сибири и Дальнего Востока или, по крайней мере, доказать возможность его применения в отношении того или иного исторического этапа.

Для более глубокого изучения темы было необходимо расширить круг источников, создать специализированные научные центры с целью подготовки научных кадров, обобщить существующий историографический материал, изучить работы русских историков Сибири. В Великобритании и США по инициативе самих исследователей были созданы научные организации, в круг интересов которых входило изучение сибирской истории – Школа славянских и восточноевропейских исследований (Лондон), Семинар по Северо-Восточной Азии (Калифорнийский университет, США), Семинар сибирских исследований университетов Великобритании, Орегонское историческое общество и Центр северотихоокеанских исследований (г. Портленд, США) и ряд других⁴.

В ФРГ таких специализированных центров не было, но исследователям все же удалось организовать работу по переводу и изданию на немецком языке источников по сибирской истории. В это же время над переводом и изданием на английском языке источников, ранее

опубликованных в России и СССР, трудились такие исследователи, как Р. Пирс, Э. Доннели, Б. Дмитришин, Т. Вогэн и др.⁵

Фундаментальные исторические исследования требовали привлечение более широкого круга источников, но решение этой задачи было сопряжено с известными трудностями. В большинстве случаев царские и советские чиновники препятствовали стремлению западных историков изучать материалы, хранившиеся в архивных учреждениях Российской империи, а позже – СССР. Однако ряду зарубежных историков удалось получить доступ к русским архивам и познакомить западных читателей с хранившимися в них документами. В начале XX в. американский историк Ф. Голдер посетил Россию и работал в архивах Санкт-Петербурга (архивах Гидрографического департамента, Академии наук, Военного министерства и др.), подготовив к публикации в 1917 г. «Указатель материалов по американской истории в русских архивах», освещающий, в том числе, и историю освоения русскими Дальнего Востока, Дальнего Востока и Северной Америки⁶.

Некоторое улучшение отношений между Западом и СССР в 1950-х гг. открыло западным историкам доступ к центральным советским архивам, хотя ограничения оставались очень значительными. В числе избранных молодых историков, получивших разрешение на прохождение стажировки в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда оказались и исследователи русского «продвижения на восток». Так, в Ленинградском государственном университете в 1958–1959 гг. стажировался Э. Доннели, в 1961 г. – Дж. Ленсен. В 1964–1965 гг. в Москве в качестве представителя Государственного департамента США проходил стажировку Г. Хуттенбах. Программа стажировки предполагала и разрешение на работу в крупнейших архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда.

В разное время СССР в научных целях посетили Р. Пирс, Дж. Гибсон, А. Вуд, Г. Баррэт. Канадский историк Дж. Гибсон в своей работе использовал как материалы, хранящиеся в Национальном архиве США, так и в Архиве Географического общества СССР, ЦГАДА, ЦГИА. Соотечественник Дж. Гибсона, Г. Баррэт изучал не только фонды Публичного архива Канады, но и центральных советских архивов, причем исследователь получил разрешение на работу в архивах Эстонской ССР (ЦГИА ЭССР в г. Тарту и архив Эстонского Государственного Исторического Музея в г. Таллинне). Среди западных историков, работавших в провинциальных советских архивах, был и А. Вуд, посетивший СССР в 1978 г. и изучавший материалы архивов г. Иркутска.

Основное внимание западные историки уделяли источникам, опубликованным на русском и других языках. Одновременно велось активное изучение историографических источников – работ русских дореволюционных и советских историков освоения Сибири. Несмотря на то, что основным видом вторичных источников для западных исследователей ста-

ли работы их соотечественников, можно говорить о значительном использовании зарубежными специалистами достижений отечественного исторического сибиреведения (прежде всего, трудов П. Словцова, Н. Оглобина, С. Бахрушина, В. Огородникова, В. Шункова и др.).

Первую попытку обобщения историографического материала предпринял в начале XX в. американский историк Ф. Голдер, который подчеркивал значение торговых интересов России в ходе «восточной экспансии», объединив этот тезис с традиционными для того представлениями западных исследователей об имперских амбициях России, погоне за пушниной и необходимости научного освоения Северной Азии и Тихоокеанского региона, как основных факторах сибирской колонизации. Несмотря на то, что концепция Ф. Голдера не была вполне обоснованной и самостоятельной, его работы способствовали привлечению интереса к сибирской истории.

Новый этап в развитии данного историографического направления связан с именем Р. Кернера и основанного им Семинара по Северо-Восточной Азии. Наиболее важным фактором русской колонизации Сибири историк считал «стремление к морю», но все же не был сторонником концепции географического детерминизма. Задачи выяснения социально-экономических и политических причин процесса были возложены на его учеников – Дж. Ланцева и Р. Фишера. Р. Фишеру удалось показать роль торговли сибирской пушниной, но, по признанию самого историка, хозяйственное освоение региона не сводилось к одному этому фактору⁷.

Данный вывод получил подтверждение в исследовании Дж. Ланцева, указавшего впервые в западной историографии на значение крестьянской колонизации и развития сельского хозяйства в Сибири⁸. Впрочем, впоследствии Дж. Ланцев сосредоточил свое внимание на изучении политических причин «русской экспансии» и деятельности «колониальной» системы управления, что привело его к выводу о преобладании политических и торговых интересов России в процессе освоения Сибири и Дальнего Востока⁹.

В целом, на протяжении всего XX в., наряду с тенденцией пересмотра устаревших концепций, изучения новых источников, обращения к вопросам социально-экономического развития Сибири, в англо- и германоязычной историографии сохранялась противоположная историографическая традиция, характерными чертами которой было не критическое воспроизведение историографических штампов, идеологических формул, стремление постоянно следовать за общественным мнением.

В начале XX в. в обстановке борьбы колониальных держав за передел мира А. Краузе и Ф. Голдер писали об имперских амбициях России, алчности русских колонизаторов. В период «холодной войны» Дж. Ланцев,

А. Сокол, М. Рывкин, Дж. Стефан и многие другие подчеркивали агрессивность внешней политики России, ставили под сомнение успехи сибирской колонизации.

Проявлением этой тенденции стал выход в свет нескольких сборников статей, авторы которых описывают освоение русскими Сибири и Дальнего Востока исключительно в терминах империализма и колониализма. Так, в 1972 г. в Стэнфорде под редакцией профессора У. Вучинича был издан сборник «Россия и Азия: Очерки влияния России на азиатские народы»¹⁰. У. Вучинич не был специалистом по истории русской экспансии в Азии, но в годы Второй мировой войны и некоторое время после ее окончания сотрудничал с рядом внешнеполитических ведомств США в качестве консультанта по ситуации в Восточной Европе.

Проблеме «русского империализма» был посвящен и сборник, опубликованный в Нью-Брунсуике (Нью-Джерси) под названием «Русский империализм от Ивана Великого до революции» (под редакцией Т. Хунсцака)¹¹. В предисловии к изданию приведено высказывание К. Маркса о том, что «полярная звезда ее (России) политики – мировое господство – неизменная звезда». Своей задачей авторы видели пересмотр историографической традиции, в рамках которой территориальная экспансия России воспринимается как процесс унификации и консолидации, в результате чего империю рассматривают как национальное, но не многонациональное государство. Т. Хунсцак, директор «Программы восточноевропейских и славянских исследований» Рутгерского университета (Нью-Джерси) и автор вступительной статьи к сборнику, включает в число строителей империи не только самодержцев, полководцев, русскую аристократию, но и крестьян, которых он определяет не иначе как «орудие русского империализма», что в полной мере относится и к сибирским переселенцам¹².

Вопросы освоения Сибири затрагиваются в статьях западногерманского историка Э. Саркисянца, профессора Гейдельбергского университета, а в 1950-х гг. – сотрудника Внешнеполитической ассоциации ФРГ, и американского историка Г. Хуттенбаха. В своей работе «Осмысление русского империализма» Э. Саркисянец утверждал, что в отличие от европейской колонизации русская экспансия на восток не была внезапным предприятием, но была подготовлена многовековой историей поглощения евразийских племен лесных охотников и степных кочевников¹³. Профессор Нью-Йоркского университета Г. Хуттенбах, отчасти следовал концепции Р. Кернера и Дж. Ланцева, указывая на роль географического фактора в процессе русской экспансии и представляя последний как результат сложного переплетения правительственной и вольнонародной колонизации, но цели освоения Сибири, во многом, сводил к решению внешнеполитических задач Российского государства¹⁴.

Свидетельством аналогичных процессов в западногерманской историографии служила статья историка Э. Хельцле «Страна свободы (К истории русской освободительной идеи)» в журнале «Saeculum» за 1954 г. Противопоставляя колонизацию Северной Америки и завоевание Сибири, автор писал, что из России в Сибирь были перенесены деспотизм, царская автократия, гнет центральной власти и несвобода, которым покорное население Сибири безропотно подчинилось¹⁵. Широкое распространение в западной историографии получили представления о непоправимом вреде, нанесенном русскими коренным народам Сибири, о хищнической эксплуатации природных ресурсов, о неэффективности системы управления Сибири.

Трудно не признать такой подход односторонним, но для его преодоления требовалось детальное изучение различных вопросов социально-экономического развития Сибири в XVII–XIX вв. Так, Д. Тредгольд в своей статье «Русская экспансия в свете учения Ф. Тернера об американском фронтире» фактически выступил против попыток абсолютизации тех или иных политических и экономических факторов, обусловивших колонизацию Сибири. С точки зрения Д. Тредгольда, объяснение причин сибирского освоения невозможно без оценки роли вольных крестьян-переселенцев, уже в XVII в. составлявших основную массу населения Сибири. По теории Ф. Тернера переселение не только способствовало колонизации окраин страны, но и способствовало снятию социальной напряженности в центре. Д. Тредгольд считал обоснованным использование данного тезиса применительно к сибирской истории, тем самым включая в число важнейших причин сибирской колонизации социально-экономическую ситуацию в Европейской России¹⁶.

К позиции, изложенной Д. Тредгольдом, впоследствии примкнули канадский историк Дж. Гибсон и американский исследователь Дж. Харрисон. В своих первых работах, посвященных проблемам продовольственного снабжения русских колоний на Дальнем Востоке и в Северной Америке, Дж. Гибсон рассматривал пушную торговлю в качестве основного стимула «русской восточной экспансии», что к тому же объединяло ее с английской и французской экспансией в Канаде¹⁷.

Исследование вопросов хозяйственного развития русских колоний заставило Дж. Гибсона расширить круг социально-экономических причин колонизации и писать о том, что присоединение Сибири совпало по времени с «мрачным столетием» 1570–1670 гг., отмеченным социальными потрясениями и глубоким хозяйственным кризисом, ударившим, в первую очередь, по крестьянам, в представлении которых Сибирь была спасительным прибежищем, «золотым дном»¹⁸.

К аналогичному выводу пришел Дж. Харрисон, представивший в своей монографии «Основание Российской империи в Азии и Америке» своеобразный комментарий к концепции представителей Калифорний-

ской школы. По словам Дж. Харрисона, причиной крестьянского переселения в Сибирь в начале XVII в. было стремление уйти от «ужасов гражданской войны» и угрозы полного закрепощения. Таким образом, крестьяне составляли большинство переселенцев из Европейской России, и процессы правительственной и вольнонародной колонизации практически не пересекались. Но данная точка зрения не стала общепризнанной и преобладающей в западной историографии, не получив достаточного документального обоснования.

Своего рода компромиссное решение, свидетельствующее скорее о стремлении к пересмотру результатов развития данного историографического направления, предложил канадский историк Дж. Блэк, поставивший вопросы пушной торговли и крестьянского переселения в один ряд с основными проблемами сибирской истории, в числе которых научное освоение, решение задач колониальной экспансии и деятельность местного управления, в том числе органов военного и церковного управления, история ссылки и каторги, а также различные аспекты истории коренных народностей Сибири¹⁹.

В целом, разнообразие подходов западных историков в оценке сибирской колонизации столь велико, что трудно говорить о каких-либо устойчивых и преобладающих схемах истории Сибири. Однако можно выделить некоторые общие факторы, влиявшие на развитие данного историографического направления. Во многом, противоречивость или односторонность подходов была следствием недостаточной изученности сибирской проблематики, ограниченности круга источников, подверженности влиянию идеологии, слабым знанием историографии. По мере устранения этих преград, зарубежные исследователи преодолевали и отжившие представления о сибирской колонизации, сформировавшиеся еще в XIX в.

Примечательно, что те из историков, кто не только призывал к фундаментальной разработке вопросов сибирской истории, но активно содействовал созданию специализированных исследовательских структур, комплексному изучению источников и историографии (в первую очередь следует назвать имена Р. Кернера, Д. Тредгольда, А. Вуда, Б. Дмитришина) приходили к выводу о невозможности объяснения освоения Сибири каким-либо одним фактором, о необходимости объективного освещения всех аспектов сложного исторического процесса, о написании новых работ, обобщающих накопленный историографический опыт. Многообразие существующих концепций в сочетании с тенденцией использования междисциплинарного подхода в изучении сибирской истории позволяет сделать вывод о перспективности данного историографического направления и надеяться на появление новых значительных исследований.

¹ Krausse A. The Far East. Its History and Its Question. London, 1899. P. 6.

² Zepelin von K. Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit, seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege. Berlin, 1909. S. 12.

³ Чернавская В.И. Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории дальнего востока России (XVII–XVIII вв.) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1994. № 5–6 (57–58). С. 194–200.

⁴ Подробнее см.: Ананьев Д.А. Изучение сибирской истории в научных учреждениях и специализированных центрах США, Великобритании, Канады и ФРГ // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2006 г. Т. 5. Вып. 1 (дополнительный): История. С. 9–15.

⁵ Davydov G. Two Voyages to Russian America, 1802–1807. Kingston, 1977; Wrangell E. Russian America: Statistical and Ethnographic Information. Kingston, 1980; The Journals of Iakov Netsvetov: The Atkha Years, 1821–1844. Kingston, 1980; Shelikhov G. A Voyage to America, 1783–1786. Kingston, 1981; Tebenkov M. Atlas of the North-west Coasts of America. Kingston, 1981); To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion, 1558–1867. 3 vols. Portland, 1985–1988.

⁶ Golder F. A Guide to Materials for American History in Russian Archives. Washington, 1917.

⁷ Fisher R. The Russian Fur Trade, 1550–1700. Berkeley, 1943.

⁸ Lantzeff G.V. Siberia in the 17th Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley & Los Angeles, 1943.

⁹ Lantzeff G.V. Russian Expansion Eastward Before the Mongol Invasion // The American Slavic and East European Review, 6, NN 18, 19 (1947). P. 1–10; Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and Conquest of the Russian Open Frontier to 1750. Montreal & London, 1973.

¹⁰ Vucinich W.S. Russia and Asia: Essays of the Influence of Russia on the Asian Peoples. Stanford, 1972.

¹¹ Hunszak T., ed. Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, New Jersey, 1974.

¹² Ibid. P. IX–X.

¹³ Sarkisyanz E. Russian Imperialism Reconsidered // Hunszak T., ed. Op. cit. P. 67–68.

¹⁴ Huttenbach H. The Origins of Russian Imperialism // Hunszak T., ed. Op. cit. P. 18.

¹⁵ Hölzle E. Das Land der Freiheit. Zur Geschichte der Russischen Freiheitsidee // Saeculum. 1954. Jg. 5. N. 4; Преображенский А.А. Сибирь в кривом зеркале господина Э. Хельцле // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962.

¹⁶ Treadgold D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. Vol. 26, no. 4. P. 151.

¹⁷ Gibson J. R. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. Madison, Wisconsin, 1969;

Gibson J. R. *Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867*. New York, 1976.

¹⁸ Gibson J. *Paradoxical Views of Siberia: Images of «Patricians» and «Plebeians» before the mid. of 1800's* // Diment G., Slezkine Y. *Between Heaven and Hell. Myth of Siberia in Russian Culture*. New York, 1993. P. 81–84.

¹⁹ Black J.L. *Opening up Siberia: Russian «Window to the East»* // Wood A. *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. L., 1991. P. 58.

И. Р. Соколовский

Почтовые службы XVII века на окраинах: сравнительный аспект

Семнадцатый век выступает поворотным моментом в истории человечества. В подобной его оценке сходятся такие различные люди как М. Хайдеггер, А.Ф. Лосев и В.И. Ульянов (Ленин). Одним из аспектов этого поворота является изменение отношения к синхронной информации. Она становится все более и более значимой. Для понимания этих изменений, требуется определить, какими путями распространялась эта информация, скорость ее распространения и доступность для разных категорий населения.

Для предварительного ответа на эти вопросы мы собираемся рассмотреть в настоящей работе функционирование почтовых служб на окраинах Европы, центра изменения отношения к синхронной информации. Для этого нами взяты данные по ямской гоньбе в России и почтовой службе в Северной Америке.

Сроки доставки корреспонденции нами определялись по данным сборника «Верхотурские грамоты». В его первой части опубликовано 74 грамоты за 1598–1604 гг., из которых 73 (98 %) содержат даты как составления в Москве, так и получения на Верхотурье¹. Данные грамоты позволяют вычислить приблизительные сроки доставки корреспонденции из Москвы в Сибирь в начале XVII в.

Грамоты доставлялись «с оказией»; для указанного массива данных мы можем выделить 44 таких «оказии» и идентифицировать 32 гонцов. Время доставки, считая от даты составления до даты получения, грамот колебалось от 21 до 679 дней². Если брать только «разумные сроки» доставки грамот, то в среднем, до марта 1601 г., они составляли 72,22 дня, или почти 2,5 месяца.

Очевидно, что в условиях отсутствия дорог с минеральным твердым покрытием, регулярного речного сообщения и при использовании гужевого транспорта сроки доставки почты сильно колебались в зависимости от погодных условий, которые зависели от месяца отправки. Так, в январе для 8 известных нам полностью датированных случаев почта шла

чуть больше 6 недель (44,5 дня)³. Почта, отправленная в марте (7 случаев), шла в среднем около 3 месяцев⁴. В апреле (5 случаев) – больше пяти месяцев (173 дня)⁵. В мае срок снижался до 2 месяцев (6 случаев, в среднем – 61 день)⁶. В июне также около 2-х мес. (3 случая, 68 дней)⁷. Два случая доставки грамот датированных в июле пришлось на кризисный период 1602–1605 гг. и затянулись надолго, один на 268, другой на 403 дня⁸. В августе (4 случая) средний срок доставки корреспонденции возрастал опять до полугодия (185 дней), что довольно странно, поскольку затем он существенно падал; возможно речь идет о каких-то очень неудачных годах⁹. В сентябре 8 случаев, в среднем – 94 дня (3 мес.)¹⁰. Для грамот, отправленных в октябре (6 случаев), срок падал до двух месяцев (60 дней), поскольку гонец уже имел возможность застать «зимний путь»¹¹. Ноябрь (15 случаев) – около двух месяцев (62 дня), декабрь (7 случаев) – 1,5 месяца (45 дней)¹².

Во второй части сборника «Верхотурские грамоты» опубликовано 70 грамот за 1604–1610 гг., из которых 48 (68,57 %) содержат даты как составления в Москве, так и получения на Верхотурье¹³. Данные грамоты позволяют вычислить приблизительные сроки доставки корреспонденции из Москвы в Сибирь в начале XVII в.

Для грамот этой группы мы можем выделить 28 «оказий» и идентифицировать 27 гонцов (поскольку сын боярский Петр Албычев за указанный период побывал в Москве дважды, в 1607 и 1610 гг.). Время доставки грамот, считая от даты составления до даты получения, колебалось от 26 до 141 дня. В среднем оно составило 70,95 дня или почти 2,5 месяца.

Принимая во внимание все перечисленные выше условия (отсутствие дорог с минеральным твердым покрытием и регулярного речного сообщения и использование гужевого транспорта), мы получим ту же картину сильных колебаний сроков доставки почты в зависимости от месяца ее отправки. Так, в январе в двух известных нам датированных случаях почта шла больше 3 месяцев (95 дней)¹⁴. Почта, отправленная в феврале (14 случаев), шла в среднем около 2 месяцев¹⁵. В марте (13 случаев) – 2,5 месяца (78 дней)¹⁶. В апреле (2 случая) – больше трех месяцев (103 дня)¹⁷. В мае – опять 2,5 месяца (3 случая, в среднем – 71 день)¹⁸. В июне – также (2 случая, 70 дней)¹⁹. В августе (5 случаев) средний срок доставки корреспонденции возрастал опять до 3 мес. (89 дней), что, несомненно, можно связать с осенней распутицей²⁰. Для грамот, отправленных в октябре (2 случая) срок сокращался до двух месяцев (56 дней)²¹. Ноябрь (2 случая) – чуть больше месяца (32 дня), декабрь (3 случая) – 2 месяца (59 дней)²².

Сравнивая два периода, один – относительно благополучный (1598–1604 гг.), другой – кризисный (1604–1610 гг.), мы получаем следующую динамику, приведенную в таблице.